

#ТЕАТРКИНОДОК

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ

ПЕРВЫЕ ПОКАЗЫ. ВЗГЛЯД КИНОДОКУМЕНТАЛИСТОВ

Первый день показов запомнился в первую очередь переаншлагом. На показы пришло так много зрителей, что пришлось расширить зрительское пространство, принести дополнительные стулья и подушки для разместившихся на полу. Артистам для эскиза оставили буквально пару квадратных метров. Художественный руководитель лаборатории Олег Лоевский по этому поводу заметил: «По пространству это «КИНОВЕШАЛКА». Это даже большое пространство. Я думал, что артистов просто наклеят на стену». Свои эскизы в первый день показывали режиссёры кинодокументалисты Лидия Шейнина и Алла Максимова. Подробности далее.

ПАРТИТУРА ДЛЯ РОДИНЫ

«ПОЛИФОНΙΑ»

Эскиз спектакля Лидии Шейниной

День кинодокументалиста на лаборатории «ВЕШАЛКА #ТЕАТРКИНОДОК» открыл показ эскиза Лидии Шейниной. Два артиста сидят на стульях и зачитывают истории и рассуждения разных людей. Они воспроизводят это многоголосие, передавая листы с текстом, как эстафету. Переключения с одного персонажа на другого можно понять только по изменению стиля речи. Пол, возраст, профессия, другие характеристики героев временами мелькают в тексте. Всё это заставляет зрителей сосредоточенно вслушиваться в слова и интонации.

Кристина Матвиенко: Если говорить не про тему, а про то, как это сделано. Я тоже сидела и думала: почему это театр а не лекция, диспут. А потому что ты в ситуации коллективного предстояния чужого опыта,

убеждениям, это время, проведенное в одном пространстве – и делает театр. Мне даже нравится, чтобы они так сидели и говорили. Само по себе это является очень ценной вещью, именно потому что она точна, разнообразна и заставляет тебя одновременно думать и переживать.

Олег Лоевский: Я в последние лет 15 телевизора не видел в глаза, но представляю, что сидят зрители в ток-шоу, несут свою пургу и также реагируют. Чем это отличается от того, что мы видим?

Лидия Шейнина: У нас нет костюмов и декораций.

Кристина Матвиенко: Это очень важный вопрос. Если убрать телевизионную истерию, а оставить технологию: там сидят рассказывают и здесь сидят рассказывают. И там и там с людьми проводят достаточное количество времени. Там телевизионные работники, а здесь Лидия и те, кто брал интер-

вью. Здесь нет истерии, потому что другая ситуация. Ну, наверное, потому что артисты исполняют чужие роли. Характерность не была театральной задачей, она была в тексте.

Роман Феодори: А мне кажется, есть ответ. Потому что в случае если бы всё это говорилось по телевизору в эмоциональной форме, то я бы перестал это считать. А здесь я сидел и наблюдал как за триллером. Мне хотелось разгадать, что это за люди, где меняется персонаж. Я парадоксально начинал их слышать и понимать разнообразие их позиций и даже к каждой позиции начинал подключаться.

Олег Лоевский: Наша фантазия каждый раз искала внешность этого человека. И мы каждый раз становились соучастниками этого действия.

Лидия Шейнина: Когда вы видите человека, вы нагружаете его таким количеством смыслов и штампов, проекцией. Если бы я снимала документальное кино, они бы не смогли все прозвучать так, как здесь. И я очень благодарна за возможность дать им всем сказать. Мне хотелось именно этого эффекта, чтобы мы вслушивались, а не выносили суждения еще до того, как мы их выслушаем, просто потому что у него тут серьга в ухе или у него нет волос на голове или он такого-то гендера. Это во-первых. А во-вторых мне было очень важно сказать, что это всё есть в одном человеке.

Поэтому «Полифония» а не «Полифония» – потому что это шизофрения. Это метафора того, что в одной нашей родине вот это всё, такая шизофрения в одной голове. И это нельзя было сделать ни в кино, ни в телеке.

ТЕКСТ ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

«А ЕЩЁ МЫ СТРОИМ ГАРАЖ»

Эскиз спектакля Аллы Максимовой.

Второй показ состоялся на малой сцене. Здесь не было листков с текстом. Все артисты работали в наушниках. Они воспроизводили записанную на диктофон речь «доноров», случайных людей, с которыми общалась Алла Максимова на Кавказе. В эти монологи периодически включался диалог — переписка в фейсбуке русской девушки с подругой, живущей в Украине. Неспешный, тихий, местами скучный показ на многих зрителей произвёл сильное впечатление, вплоть до потрясения.

Зритель: Это, конечно, необычно: тёмное помещение, никакой подзвучки, только текст, только рассказ. Конечно, это слушалось и смотрелось немножко тяжеловато. Мой сосед ужасно переживал. Он вздыхал, вошкался. Он не готов был к такому. Но остальные пришли, чтобы увидеть что-то новое, что-то нестандартное. В общем, мне понравилось.

Евгения Тропп: Так сложилось, что я видела на двух фестивалях подряд два спектакля, основанных на документах. Это очень известные документы в отличие от тех, которые мы сегодня услышали, — блокадный дневник погибшего в блокадном Ленинграде Юры Рябинкина и книга Алексеивич «У войны не женское лицо», воспоминания женщин-фронтовичек. Этот спектакль — ещё одна история на ту же тему. Потому что здесь, вроде бы, главное — человек и война. На самом деле — просто человек, для которого вопрос о границах любви к родине поворачивается так: до какого предела я могу дойти в своей любви к родине? Пойду ли я убивать? Пойду ли я воевать? Уеду ли? Останусь ли я?

Это вещи, которые касаются любого из нас. Получилась история очень человеческая. А то, что возникают какие-то политические вещи, так это потому, что в человеке это тоже есть. Мне кажется, просто «под лупой» взяты эти истории, эти персонажи. Я даже не могу назвать их персонажами, — люди. У меня огромная благодарность к артистам, которые так мягко и при этом настолько отчётливо представляют, воображают тех людей реальных, которые живут и которые страдают... Здесь возникает такое много-

лосие, которое очень многое в тебе будит. Ты испытываешь эту боль, думаешь о том простом, тёплом и человечном, что у тебя есть и есть у каждого из этих людей.

Роман Феодори: Если в этом спектакле поменять имена, поменять страны, поменять акценты, поставить вместо Путина другую фамилию, любую другую, сочинённую, разве что-то от этого в нём изменится? Мне кажется абсолютно ничего не изменится.

Олег Лоевский: Верbatim и на Западе и у нас, на мой взгляд, возникает как реакция на пропаганду, на сериальность, на огромное количество неправды, или подтасованной правды, полуправды. И, конечно, такая прямая речь, которую мы либо принимаем, либо не принимаем, сочувствуем, или остаёмся равнодушными, но эта речь, она прямая, из первых уст. Здесь, в эскизе, этот эффект присутствует даже чисто технически. Если бы ребята зачитали текст, такого внутреннего напряжения, которое есть, когда они вслушиваются в диктофонную запись, его не было бы. Его же не сыграешь. Так что происходит естественное такое сращение. Я не в первый раз вижу такой приём. Но всякий раз это напряжение передаётся. Оно материально. Вслушиваешься и

становишься рупором другого голоса со всеми паузами, переживаниями и внутренним проживанием чужого, как своего. По моему, здесь этот эффект — замечательный.

Алла Максимова: К сожалению, нам не дали финансовой поддержки, чтобы артистов отправить в Грузию. Все артисты работали с аудиозаписями, и только одну героиню актриса увидела по «скайпу». Сначала артисты были артистами. Потом происходило полное обезличивание, «обнуление», а потом присвоение содержания других людей. Артисты были как жидкость, которая принимает форму сосуда, в который её наливают. Мне казалось, что это сделать нереально. Для меня это первый опыт работы с артистами. Они смогли, они прошли этот большой путь и я им за это очень благодарна.

Лидия Шейнина: Для меня было очень ценно то, что мы смотрим этот спектакль в России. Мне показалось это очень важным, это было и про мои отношения с родиной тоже. Мы слышим истории людей, которые имели отношения с моей родиной с другой стороны. Это очень важная рефлексия для нас, в России про это услышать. А главное, что я хотела сказать, — это про форму. То, что Алла сделала здесь, для меня очень большую ценность имеет, потому что она работала с моим «сопротивлением». Грубо говоря, мне было частично скучно, когда это всё происходило. И я выхожу отсюда потрясённая. Это такой эффект отсроченного, отложенного потрясения, потому что у меня реально есть ощущение, что я всех этих людей видела живыми. Они меня не развлекали, это никак к моему темпераменту не подлажено. Но через моё сопротивление и вслушивание в них я сейчас сижу ошарашенная. Это очень сильно и очень смело.

КРИСТИНА МАТВИЕНКО: «РЕАЛЬНОСТЬ НЕ В ФЕЙСБУКЕ»

В лаборатории «Вешалка» всегда участвуют театральные критики. В этот раз в составе экспертной группы есть человек, который особенно пристально следит именно за документальным направлением. Кристина Матвиенко — программный директор фестиваля «Новая драма», эксперт фестиваля молодой драматургии «Любимовка», член экспертного совета фестиваля «Золотая маска» и автор курса лекций о документальном театре. В первый день показов мы немного поговорили с ней на темы, касающиеся лаборатории.

О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ТЕАТРА

Документальный театр в России изначально был не только столичным явлением. Кемеровский театр «Ложа» делал документальные спектакли по технологии британцев ещё в конце 90-х. Они делали это раньше Москвы, или параллельно с Москвой. В Челябинске Мастерская современной пьесы «Бабы» появилась в начале двухтысячных и

делала документальные проекты. А «Театр.doc» в Москве открылся в 2002 году. Это для нас точка отсчёта. Все они связаны методикой создания спектаклей, взятой у англичан. Но дальше оказалось, что очаги очень разные и развиваются тоже по-разному. Так что, думаю, что это история не про экспансию московской идеи, а история того, как разные режиссёры, драматурги и артисты познакомились с такой британской штукой как документальный театр и дальше её телепортировали на свою почву и стали заниматься специфическим российским документальным театром.

Что касается сегодняшнего момента, то у меня есть ощущение, что из региональных проектов, из того, что театры делали в Барнауле, Вятке, Хабаровске это пошло, как круги по воде. Пошло дальше, чем маленькие московские театры, и не только московские. С другой стороны, есть ли на самом деле у людей, которые руководят театрами, постоянное желание делать документальные проекты у себя? Я не уверена, потому что это сложно, трудоёмко, для кого-то скучно. Результат совсем не гарантирован. У нас в

сознании нет идеи, что ты должен быть очень сильно связан с жизнью здесь и сейчас, должен как-то её описывать и рефлексировать по этому поводу. Театр остаётся такой вещью, которая отвлекает тебя от жизни, документальный театр — наоборот. Но сегодня, когда всё меняется в социальном смысле, когда новые события и процессы, от мигрантов в Европе до украинской войны, очень сильно воздействуют на нас, почти ничего кроме документального театра не может отобразить эти процессы в быстром, пристальном взгляде. Поэтому художники, которые чувствуют ответственность и необходимость высказаться сегодня про сегодня, они в эту сторону пойдут. И вот за счёт них документальный театр будет дальше держаться.

О НОВЫХ ЛЮДЯХ

Документальный театр — это ещё повод, чтобы в театр пришли новые, не театральные люди, как, например, девушки-документалисты, которые участвуют в этой лаборатории. Они же кинорежиссёры. И, в принципе, мы по-прежнему живём в параллельных плоскостях. Хотя был фестиваль «КИНОТЕАТР.doc», хотя Разбежкина работает вместе с Угаровым. Я на 100% уверена, что это работа с документалистами совершенно по-другому разрабатывает актёрский инструментарий. Что они актёра могут научить более сложным и тонким вещам в плане наблюдения, наблюдения в широком смысле, наблюдения не только за твоей соседкой, которая говорит монологи на скамеечке, но и за собой. Для артистов это редкая возможность. То, что они делают на этой лаборатории, связано с очень близким подходом к человеку, чего и добивался Станиславский, — ближайшего подхода.

О ТЕМЕ РОДИНЫ

Это тема, существующая сегодня в нервном напряжении, в тревожном расколе внутри общества. Она требует такого нетенденциозного инструмента... Лаборатория позволяет посмотреть на эту тему с разных сторон и попытаться ответить на связанные с ней вопросы не концептом, а через отражения в каких-то маленьких сегментах жизни. Я недавно общалась с одним молодым режиссёром из Украины, спрашивала, что там происходит. И он после долгой паузы ответил: «Ну, когда я открываю ленту фейсбука...» Он там живёт, но тоже судит о реальности по ленте фейсбука. У меня свой фейсбук, у него — свой фейсбук. И мы, в принципе, не имеем адекватного представления о том, что происходит. Это можно узнать, только пойдя к людям с диктофоном. И участники лаборатории это сделали. Театр — возможность поговорить о реальности не в фейсбуке.

РОДИНА ГЛАЗАМИ КИНОДОКУМЕНТАЛИСТОВ

1 октября лаборатории «#ТЕАТРИНОДОК» в Музейном центре «Площадь Мира» в рамках XI Красноярской музейной биеннале «Практики соприказания» покажет фильмы, которые пересекаются с темой «Любовь к родине не знает границ». Они сняты выпускниками Школы документального кино и театра Марины Разбежкиной и Михаила Угарова. В программу кинопоказа вошли три работы: «Мама» Лидии Шейниной, «Везде Таксим» Аллы Максимовой и «Звизжи» Ольги Привольновой. Завершится показ обсуждением фильмов с участием приглашённого театрального критика и искусствоведа Кристины Матвиенко и режиссёра Аллы Максимовой.

«МАМА»

Режиссер: Лидия Шейнина

2013, Россия, 28 мин.

Главной героине 96. Она много лет не выходит из дома, неточно знает, какой сегодня день, и не всегда помнит, кого из ее близких уже нет рядом. Такую жизнь принято называть существованием. На самом деле, всё в этой жизни наполнено смыслом и эмоцией — меняющаяся природа за окном, тревога и забота о родственниках, пусть уже давно ушедших, и непреходящая нежность к тем, кто ее окружает. Это становится важнее подробностей места и времени, деталей быта и точности воспоминаний.

«МАМА» РЕЖИССЕР: ЛИДИЯ ШЕЙНИНА

«ВЕЗДЕ ТАКСИМ»

Режиссер: Алла Максимова

2013, Россия, 32 мин.

Лето 2013, Турция. Массовые антиправительственные протесты по всей стране. Режиссер с маленькой ручной камерой оказывается в эпицентре событий. Не зная языка и города, во время одной из газовых атак она теряется и случайно знакомится со своими героями. Те, в свою очередь, не говорят по-английски...

«ВЕЗДЕ ТАКСИМ» РЕЖИССЕР: АЛЛА МАКСИМОВА

«ЗВИЗЖИ»

Режиссер Ольга Привольнова

2014, Россия, 51 мин.

От поселка Никола-Ленивец до деревни Звизжи — 20 минут пешком. Никола-Ленивец — постоянное место проведения моднейшего фестиваля ландшафтных объектов «Архстояние». Звизжи — постоянное место жительства Вальки, Людки, Женьки и шестидесятилетней «куколки» Наташи. «Куколка» живет с отсидевшим за убийство Валеркой потому, что тот умеет чинить электрическую проводку. Сам Валерка ходит коротать ночи к Женьке. А Валька, бывшая воспитательница Людки в детском саду, теперь распивает с ней технический спирт в огороде. «Модные» архстоянцы и «опустившиеся» звизжовцы слыхом не слыхивали друг про друга... Пока местные не решили отправиться к своим соседям на фестиваль...

Участник конкурсной программы «Артдокфеста», Москва, 2014.

«ЗВИЗЖИ» РЕЖИССЕР ОЛЬГА ПРИВОЛЬНОВА

НАЧАЛО ПОКАЗА 1 ОКТЯБРЯ В 15.00. ВХОД СВОБОДНЫЙ. ПОДРОБНОСТИ ПО ТЕЛ. 212-33-92, 213-22-87 И НА САЙТАХ WWW.KTYZ.RU, WWW.MIRA1.RU, WWW.BIENNALE.RU
АДРЕС: МУЗЕЙНЫЙ ЦЕНТР «ПЛОЩАДЬ МИРА», ПЛ. МИРА, 1, КИНОЛЕКЦИОННЫЙ ЗАЛ.

«#ТЕАТРИНОДОК». Дневник V Лаборатории актуальной драматургии и режиссуры «Вешалка»

Редакция: Оксана Батуева, Оксана Будулак. Вёрстка: Алексей Акимов.

© Виктор Олейник, фотографии, 2015 © Красноярский театр юного зрителя, 2015 год.

Красноярск, ул. Вавилова, 25 Тираж 100 экз. Отпечатано в типографии «Печатный двор»